
ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ГОД ИЗДАНИЯ
XXVIII

12
ДЕКАБРЬ
1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ X—XVII вв.

Член-корреспондент АН СССР

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Русской литературе тысяча лет. Она возникла не в XVIII в., не в «Петровское время», а сопровождала всю историю русского народа начиная с его появления на широкой исторической арене. Первые дошедшие до нас произведения оригинальной русской литературы относятся ко второй половине X в.—это известная «Речь философа», включенная затем в состав «Повести временных лет»¹, и летописные записи времени Ярополка и его брата Владимира Святославича². Не исключена возможность, что уже и раньше появлялись переводные и оригинальные произведения, которые не дошли до нас, как не дошли и многие другие произведения русской литературы X—XVII вв.

Мы иногда недооцениваем, а иногда преувеличиваем связи русской литературы с литературами других европейских стран, но почти никогда не принимаем в расчет собственных тысячелетних традиций русской литературы. Конечно, никто не станет сейчас утверждать, что русская литература возникла под воздействием Западной Европы вместе с основанием Санкт-Петербурга, но практически такая «санкт-петербургская» точка зрения на историю великой русской литературы проводится постоянно.

Недооценка давних традиций русской литературы сказывается в том, что историки литературы редко пытаются осмыслить русскую литературу в ее целом³. Литературоведы слишком заняты отдельными темами и работают слишком разобщенно, чтобы изучать русскую литературу в ее целом. Специалисты по новой русской литературе редко интересуются древней, а специалисты по древней русской литературе не изучают традиции древней русской литературы в новой. Между тем историк (а историк литературы тем более) обязан учитывать и историческое происхождение явлений и их исторические следствия. Искусственный разрыв истории русской литературы на две части лишает первую, древнюю часть ее исторического смысла, а вторую, новую — исторических корней.

Принцип историзма требует, чтобы литературоведы уделяли внимание не только тем явлениям, которые значительны сами по себе, но и тем, которые важны с точки зрения их исторической роли и последующей судьбы.

¹ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 58—76.

² См. работы В. П. Андриановой-Перетц. «Очерки по истории русской сати». Сб. «Советская этнография», т. VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 65—67.

³ Счастливых исключений немного. См., например, статью Б. И. Бурсова «О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы (статья первая)» в журнале «Русская литература», 1958, № 1.

Изучение древней русской литературы интересно в обоих отношениях, но особенно важен последний, исторический аспект ее изучения. Перед исследователями русской литературы X—XVII вв. стоит задача — вскрыть особенности историко-литературного процесса, его движущие силы, борьбу в нем противоречий, установить связи этого процесса с процессом общеисторическим.

Следует отметить, что ряд историко-литературных вопросов не может быть решен только на материале русской литературы XVIII—XX вв. В частности, без привлечения материала древней русской литературы не могут быть решены вопросы о реализме в русской литературе, о ее национальной специфике, о роли фольклора в развитии литературы, о возникновении ряда литературных форм и др.

То обстоятельство, что древняя русская литература развивалась в течение длительного времени, на протяжении семи с половиной веков, уже само по себе чрезвычайно благоприятно для изучения законов ее развития. Изучение же законов развития — основная задача всякой исторической дисциплины, истории литературы в том числе. Только изучив законы развития, мы сможем направлять это развитие и предугадывать явления будущего. Именно этим определяется значение истории литературы и для нашей современности.

В Академии наук СССР сделаны очень большие усилия в области изучения истории русской литературы первых семи веков ее существования. Созданы труды по истории русской литературы, в которых литературе раннего и развитого феодализма уделено много внимания. Тремя изданиями вышел курс лекций академика А. С. Орлова по истории русской литературы XI—XVI вв. В недавно завершённой Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) десятитомной «Истории русской литературы» древней литературе отведено три тома. Эта часть академического труда получила в целом хорошие отзывы в научной печати⁴. Перед Великой Отечественной войной в издании того же института вышел первый том трехтомной «Истории русской литературы», так и оставшейся, к сожалению, незавершённой. И эта работа была высоко оценена специалистами. В настоящее время мы имеем первый том (в основном посвященный древней русской литературе) другой трехтомной «Истории русской литературы», издаваемой институтами Мировой литературы и Русской литературы.

По этим обобщающим изданиям легко определить итоги изучения русской литературы X—XVII вв. Они разительно отличаются от тех итогов, к которым приходило старое академическое литературоведение накануне Октябрьской революции. Теперь уже никто не станет сомневаться в том, что для древней русской литературы характерны развитие, движение, изменение формы и содержания в зависимости от изменения исторической действительности. В историю русской литературы X—XVII вв. включены целые крупные разделы, как, например, почти совсем не изучавшаяся ранее демократическая литература XVII в.⁵, открыты новые, высокохудожественные произведения, как, например, патриотическая «Повесть о Сухане»⁶, и новые писатели, как, например, прогрессивный публицист XVI в.

⁴ См., например, рецензии: В. Д. Кузьмина. «Советская книга», 1947, № 2; В. Каминский. «Нева», 1958, № 2.

⁵ См. работы В. П. Адриановой-Перетц «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.», М.—Л., 1937 и «Русская демократическая сатира XVII века», М.—Л., 1954.

⁶ В. И. Малышев. «Повесть о Сухане». Из истории русской повести XVII в. М.—Л., 1956.

Ермолай-Еразм⁷. Выяснена значительная роль светской литературы в жизни древней Руси⁸. Разрабатываются вопросы о возникновении, идейном содержании и классовом характере древнерусской литературы⁹, об отношении литературы к фольклору¹⁰, о смене литературных направлений и многие другие. Некоторые успехи достигнуты в изучении художественного мастерства, стиля, литературного языка, связей литературы с искусством.

Много нового в изучение русской литературы внесено в области текстологии. Необходимо отметить, что в наше время текстология из суммы приемов по изданию памятников стала самостоятельной научной дисциплиной, занимающейся изучением истории текстов литературных произведений. Новые принципы текстологических исследований сказались в издании памятников. В основу изданий кладется в настоящее время строго исторический принцип; глубоко изучается история текста литературных произведений¹¹. В результате большой текстологической работы исследователи разъяснили отдельные темные места памятников, уточнили время и обстоятельства их появления, идейное содержание, классовую основу. Отмечу образцовые издания сочинений Кирилла Туровского, Афанасия Никитина, Ивана Пересветова, Аввакума, Симеона Полоцкого, отдельных повестей XIII—XVII вв., летописных памятников, «Моления Даниила Заточника», «Задонщины», выполненные В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Ереминым, Я. С. Лурье, А. А. Зиминым, Н. Н. Зарубиным и др.

Очевидные успехи советского литературоведения в области изучения древней русской литературы основываются прежде всего на марксистско-ленинском методе, которым оно руководствуется. Принцип последовательно проведенного историзма оказался чрезвычайно плодотворным в изучении литературы X—XVII вв. Счастливым избежав крайностей формализма и вульгарного социологизма, литературоведение, занимающееся русским средневековьем, объединило свои усилия с исторической наукой, с искусствоведением и историей русского языка.

Возникло качественно новое явление: изучение древней русской литературы перешагнуло пределы литературоведения, перестало быть узко специальной областью, интересующей лишь ограниченную группу филологов-медиевистов. Оно стало важнейшим звеном в изучении истории русской культуры, к необходимости создания которой как особой научной дисциплины все ближе и ближе подходит советская наука.

Не все, конечно, в изучении русской литературы X—XVII вв. обстоя-

⁷ В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. Летопись занятий Археографической комиссии, т. 33, Л., 1926.

⁸ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. VI, М.—Л., 1948; М. Н. Т и х о м и р о в. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IX, М.—Л., 1953.

⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952; е г о ж е. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII веков. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. 10, 1951, вып. 5; е г о ж е. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. X, М.—Л., 1954.

¹⁰ См. статьи В. П. А д р и а н о в о й - П е р е т ц в «Трудах Отдела древнерусской литературы»: «Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы)» — т. VII, 1949; «Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия» — т. VIII, 1951; «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» — т. IX, 1953; е е ж е. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. «Слово о полку Игореве». Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950.

¹¹ См. об этом: Д. С. Л и х а ч е в. Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. 14, 1955, вып. 5.

ло и обстоит благополучно. Увлечение вновь открытыми областями и аспектами исследований привело к игнорированию других областей, и, соответственно, к некоторому искажению перспективы. Так, например, преимущественное занятие светской литературой (летописями, историко-бытовыми повестями, историческими повестями) привело к тому, что такой исключительно важный в историко-литературном отношении жанр древней русской литературы, как жития, почти не изучался. Усиленное внимание к национально-патриотическим темам вызвало падение интереса к переводной литературе, к изучению связей русской литературы X—XVII вв. с другими славянскими литературами и т. д. Можно было бы привести и другие примеры диспропорции научных интересов, в конечном счете приводящей к вредным последствиям.

Одна из самых существенных задач в изучении древней русской литературы — четкое планирование научных работ и соблюдение необходимых пропорций в изучении всех областей русской литературы X—XVII вв., ибо наука должна развиваться единым фронтом, и значительные прорывы вперед на отдельных участках могут принести лишь временные успехи, если эти успехи на отдельных участках не будут закрепляться подтягиванием сил по всему фронту исследований.

Серьезной опасностью, с которой постоянно приходится считаться специалистам по древней русской литературе, является соблазн абстрактного теоретизирования. Было бы непозволительной ошибкой пытаться устанавливать законы развития литературы на основании общих рассуждений, лишь изредка подкрепляемых произвольно выбранными примерами. Установление законов должно опираться на обстоятельное, целенаправленное изучение конкретных фактов литературы X—XVII вв. Оно может явиться лишь результатом основательной исследовательской работы.

Это не значит, однако, что исследователи литературы должны заниматься только частными исследованиями, откладывая обобщение до счастливого будущего. Общие выводы могут намечаться уже в самом начале конкретной работы и совершенствоваться по мере ее углубления. Для того чтобы избежать не менее опасного, чем абстрактное теоретизирование, увлечения фактографией, вся исследовательская работа по установлению конкретных фактов должна подчиняться строго целеустремленному планированию. Изучение истории литературы должно учитывать не только ближайшие, но и отдаленные перспективы. В частности, чрезвычайно важно установить общие направления конкретных исследований в свете той общей цели — установление законов развития, — которую должно себе ставить литературоведение.

Сектор древнерусской литературы Института русской литературы занят сейчас рядом частных поисковых исследований, которые позволили бы более целенаправленно работать над определенными темами. Наряду с обобщающими трудами по истории русской литературы X—XVII вв. ведутся работы в области теории текстологических исследований, подбираются материалы для изучения различных стилей древней русской литературы, для ее правильной периодизации, выяснения ее связи с исторической действительностью и т. д. Однако эти исследования встречаются с препятствиями, которые не могут быть преодолены только в пределах сектора или института и требуют более широкой организации планирования.

Выше уже говорилось о том, что изучение древней русской литературы перестало быть достоянием узкой группы литературоведов-медиевистов. В результате значительного расширения круга научных интересов в изучении древней русской письменности особую важность приобретает кооперирование усилий ученых различных специальностей. Давно пора учесть исключительно плодотворный опыт совместной работы литерату-

роведов, историков, языковедов и искусствоведов в области разработки отдельных вопросов древней русской литературы и придать этому опыту организационные формы. Усилия ученых смежных специальностей должны быть согласованы. Вот почему, как нам представляется, вполне созрел вопрос о создании координационной комиссии по истории русской культуры при Отделении литературы и языка Академии наук СССР.

В задачу этой комиссии вошли бы, в первую очередь, координация усилий представителей различных специальностей и различных научных организаций по изучению, научному описанию и сбору рукописных материалов, выработка общих принципов археографической и текстологической работы, общих (приемлемых для историков, литературоведов и языковедов) принципов издания памятников, составление общего плана публикаций, унификация терминологии (особенно в текстологии) и т. д.

Комиссия должна была бы обратить внимание на изучение тех областей истории русской культуры, которые в настоящее время оказались в ведении различных отделений и институтов Академии наук СССР или не изучаются вовсе. К первым принадлежит, например, история общественной мысли, ко вторым — история древнего русского искусства. Как это ни странно, древнее русское искусство, пользующееся в настоящее время все возрастающей мировой славой, в организованном порядке не изучается ни в одном из научных учреждений СССР.

Задачей комиссии была бы также организационная работа по созданию и продолжению больших коллективных трудов по истории русской культуры. Как известно, высоко оцененные общественностью и учеными два тома «Истории культуры древней Руси» (охватывающие домонгольский период) не получили своего продолжения. Ясно, что одной из самых почетных задач Академии наук СССР явилось бы создание многотомной «Истории русской культуры», обобщающей весь богатый материал, накопленный за последние годы. Столь же большое национальное значение имело бы составление обширного энциклопедического справочника «Русские достопамятности» (или «Русские древности»), где были бы собраны сведения о всех культурных ценностях русского народа. Здесь должны были бы быть опубликованы материалы (исследования, снимки, библиография и т. д.) о наиболее значительных произведениях литературы, живописи, скульптуры, зодчества, прикладного искусства, о городах, рукописях, архивах и других культурных богатствах, которые были созданы русским народом за более чем тысячелетнее время его существования. Полезные контакты литературоведения с другими дисциплинами могли бы быть значительно развиты и в ряде других обобщающих трудов по истории русской культуры.

Насколько важной могла бы быть работа координационной комиссии по истории русской культуры не только в ее крупных, но и в более узких начинаниях, может быть отчетливо показано на одном частном вопросе — изучении летописания. Русские летописи в настоящее время не только издаются различно — в различном оформлении и по различным принципам¹², — но и различно изучаются. Одни исследователи считают необходимым ограничиваться в изучении летописей приблизительной характеристикой их содержания и некоторыми соображениями о времени и месте их создания, другие же глубоко изучают генеалогию списков и происхождение текстов. Но и те ученые, которые изучают генеалогию

¹² Ср. издания псковских и новгородских летописей (А. Н. Насонов, 1941 и 1955 гг.), т. XXV полного собрания русских летописей (М. Н. Тихомиров, 1949), Устюжский летописный свод (К. Н. Сербина, 1950), Иосафовскую летопись (А. А. Зимин, 1958) и др.

летописания, по-разному определяют свои задачи и различно оформляют результаты своих исследований.

Возьмем такой, казалось бы, незначительный вопрос, как составление генеалогических таблиц (стемм) летописных списков. Нет и двух исследователей, которые бы делали это одинаково, а между тем давно назрела потребность в составлении текстологического атласа летописания, в котором были бы полностью сведены воедино результаты изучения списков летописей. Такой атлас имел бы не меньшее значение, чем атлас диалектологический, но был бы проще для опубликования. Он позволил бы уточнить многие вопросы истории летописания, дав наглядную картину происхождения тех или иных летописных сводов, движения летописных текстов, изменения способов ведения летописания и т. д. Определение новых списков и новых летописных текстов, их места в истории летописания существенно упростилось бы при наличии атласа уже изученного летописного материала. Составление же такого атласа было бы значительно облегчено, если бы исследователи летописания одинаково понимали свои задачи, оперировали бы общими текстологическими приемами и сходно оформляли бы добытые результаты в генеалогических таблицах.

В будущем единые принципы текстологического изучения летописания могли бы лечь в основу единых текстологических принципов изучения всего рукописного наследия древней Руси.

Этот пример достаточно ясно показывает, какое большое значение будет иметь создание координационной комиссии не только для изучения истории русской культуры в целом как особой научной дисциплины, но и для изучения древней русской литературы. Я думаю, что подобные примеры могли бы привести также историки русского языка, историки права, философии, естествознания, техники и т. д.

Итак, во-первых, координация изучения древней русской литературы с изучением новой русской литературы и, во-вторых, координация работ ученых всех специальностей, занимающихся древней русской письменностью, в рамках Комиссии по истории русской культуры при Отделении литературы и языка Академии наук СССР — таковы насущнейшие организационные задачи, с которыми сталкивается планирование исследований в области истории русской литературы X—XVII вв.

Это планирование должно предусматривать тесное сближение различных гуманитарных дисциплин и смежных наук в решении крупных теоретических проблем, в создании больших обобщающих трудов по истории русской культуры, в установлении точных целей изучения и строгого единства в формах его выполнения.

